

УДК 1(091)

А. ГИДДЕНС: ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ РЕФЛЕКСИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

О.А. Тесленко

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет» (г. Тверь)

В статье анализируются источники теории рефлексивной модернизации А. Гидденса. Показано, что британский автор создал оригинальный вариант синтеза теоретических идей К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, структурализма и постструктурализма, лингвистической философии, феноменологии и герменевтики. Рефлексивная социальная теория, осмысливающая модернизационный процесс, по Гидденсу, должна, по сути, дела выстраиваться в культуроцентристском ключе: картина социального целого получаемая всегда сквозь призму интерпретации в определенной ситуации и предполагает, в свою очередь, рефлексивный компонент в деятельности субъектов, производимых и воспроизводимых ими социальных структур и институтов.

Ключевые слова: рефлексивная модернизация, рефлексивная теория общества, культуроцентристская парадигма, структурализм, герменевтика.

Проблема рефлексивной модернизации как характеристики современного фазиса общественной эволюции возникает в произведениях многих крупных западных социальных философов. Проникновение рефлексивности во все сферы жизни общества, как подчеркивают в своем совместном программном труде У. Бек, А. Гидденс и С. Лэш, связано с ее усложнением, непредвиденностью эффектов человеческой деятельности, постоянным порождением все новых рискогенных ситуаций в стремительно глобализирующемся мире. Модерность, получившая концептуальное оформление в трудах представителей европейского Просвещения, отнюдь не предвещала такого эффекта своим идеалом торжества разума, неуклонного движения человеческого сообщества по пути его триумфа. Однако усложнение самой ткани общественной жизни, появление новых способов человеческой деятельности, структур и институтов заставляет по-новому посмотреть на судьбу Модерности и процесс модернизации. В данной связи возникает и вопрос о имманентном присутствии рефлексивного компонента в процессе производства и воспроизводства общества, требующий своего общетеоретического решения. В произведениях А. Гидденса в общетеоретической плоскости, как подчеркивает он сам, модернизация рассматривается сквозь призму трактовки институциональной рефлексивности. Этот термин является ключевым в общетеоретических размышлениях британского автора, который даже декларирует его первенство по отношению к понятию

«рефлексивная модернизация», ибо выяснение роли самосознания в жизни общества должно предшествовать пониманию пути его обновления и разрушать иллюзии универсальных возможностей разума [1, р. 185]. Создание им собственного видения роли рефлексии в модернизационном процессе потребовало обращения к широкому кругу идей классической и современной философской и социально-гуманитарной мысли, и именно поэтому осуществление их синтеза заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Социально-философская концепция Гидденса ориентирована на понимание общества как сотканного из многообразия практик, направляемых рефлексивными усилиями индивидов. Отказываясь от видения общественной жизни как объектно-вещной реальности, британский теоретик попытался осуществить ее истолкование в соответствии с парадигмой постметафизической установки. Коммуникативные практики видятся ему как обеспечивающие любые виды человеческой деятельности, чье многообразие и составляет целостность общественной жизни. Гидденс отвергает саму идею объектно-вещного видения рассмотрения социальной жизни, независимого от рефлексивного воспроизводства и обновления таковой в контексте многообразия практической деятельности. Поэтому им не принимается идея отдельного рассмотрения структурно-институционального компонента социальной реальности и ее практико-деятельностного измерения. Рационально-рефлексивная составляющая деятельности выглядит при этом как обратная сторона существования социальных структур и институтов. Подобный подход был сопряжен с попыткой создания социальной теории, которая могла бы преодолеть классические варианты рассмотрения общественной жизни, предполагающие параллельное существование бытийных и рефлексивно-деятельностных сторон таковой. Существование и рефлексивная интерпретация социальной действительности выглядят, в его понимании, одновременно реализуемыми и неразрывными ее составляющими. Синтезируя многообразные философско-мировоззренческие теории, Гидденс создает собственную понимающую методологию рассмотрения общественных реалий. Его общетеоретические воззрения имеют прямой выход в разрабатываемую им стратегию рефлексивной модернизации. Общество, расстающееся с традиционализмом в эпоху Нового времени, идет по пути рационализации различных сторон собственной жизни и осознанию этого процесса служит теория рефлексивной модернизации. Рассуждая о специфике модернизации в эпоху Нового времени и ее современном фазисе, Гидденс обращается к специфическим мыслительным инструментам созданной им теории. Они помогают выявить открытый характер модернизационного процесса, отличающегося неопределенностью и мозаичностью результатов никогда не завершенного по своей природе эксперимента разума.

Теория рефлексивной модернизации Гидденса опирается на общетеоретический анализ роли самосознания в конституировании социальной реальности. Британский теоретик полагает, что современная социальная теория должна в полной мере учесть уроки классической мысли Нового времени и одновременно обнаружить ее имманентные противоречия, позволяющие по-иному взглянуть на роль субъективности и ее рефлексивной составляющей в устройении общественной реальности. Гидденс со всей очевидностью не хочет забвения уроков Просвещения, указавшего на роль сознания и самосознания в производстве и воспроизводстве общественной жизни. Одновременно он отчетливо видит, что просвещенческий культ разума отнюдь не оправдал себя, ибо рефлексивная сторона социальных практик не исчерпывает реалий социальной жизни. Гидденс подчеркивает, что ведущие мыслители Просвещения, чьи идеи лежат в основе современной социальной науки, не могли предвидеть современных реалий. «Эти мыслители полагали с должным основанием, что чем более мы углубляем наши представления о мире в качестве коллективного человечества, тем более мы можем контролировать и управлять им сообразно с нашими целями. Возрастающее знание относительно социального и природного миров должно было повести к большей уверенности относительно условий, при которых мы живем, и должно таким образом подчинить человеческой власти то, что некогда было сферой иных влияний. Взаимосвязь между развитием человеческого знания и человеческим самопониманием оказалась более сложной, чем предполагает подобный взгляд. Характерной для нашей сегодняшней жизни является то, что можно назвать “произведенной неопределенностью”. Многие аспекты наших жизней внезапно стали открытыми, организованными лишь по правилам “сценарного мышления”, предположительных конструкций итогов возможного будущего. Это справедливо как по отношению к нашим индивидуальным жизням, так и по отношению к человечеству как целому» [там же, р. 184]. Таким образом, современное сознание полно предвосхищением катастрофизма, равно как и новых возможностей, открываемых будущим. В отличие от мыслителей Просвещения мы не можем притязать на однозначное представление о направлении социального развития.

Общество как воспроизводимое целое рождается во взаимосвязи осознаваемого индивидуальными субъектами и принимаемого ими в качестве коллективно значимого на базе определенных конвенций и того, что находится за порогом рефлексивности и постоянно вызывает к тематизации. Именно поэтому Гидденс полагает необходимым, не отбрасывая идеи значимости субъективности и рефлексии в интерпретации Просвещения и немецкой классической философии, указать на особенности их реализации в контексте общественного взаимодействия людей на базе постклассической западной философии, учитывая специфику ее подхода к этому предметному полю и методологического инструментария.

В контексте современных подходов к рассмотрению общества, по мысли Гидденса, отчетливо представлена дилемма объективизма и субъективизма, которая мешает комплексному рассмотрению общественных феноменов. С точки зрения британского автора, противостояние объективистских подходов, редуцирующих социальное к объективно данному, и прежде всего к социальным структурам и институтам, формирующим системное целое, и субъективистских стратегий, сопряженных с акцентом значимости субъективного фактора, деятельности и ее лингво-интерпретативной составляющей, – главное препятствие на пути создания последовательных представлений о производстве и воспроизводстве социальной реальности. С его аналитической оценкой трудно не согласиться, ибо именно дилемма субъективизма и объективизма – центральный пункт полемики создателей различных версий современной социальной философии, формирующихся в атмосфере доминирующего влияния постметафизической мировоззренческой парадигмы. Гидденс верно полагает, что создание новой версии социальной теории, отвечающей запросам современности, должно быть осуществлено путем осознания того факта, что наличная социальная реальность с присущими ей структурными и институциональными характеристиками существует и изменяется благодаря многообразию коллективных практик, укорененных в деятельности отдельных субъектов и коллективных общностей, предполагающей рефлексивное сопровождение.

Рефлексивная социальная теория Гидденса рождается прежде всего в теоретической полемике с идеями К. Маркса, Э. Дюркгейма и М. Вебера. «Марксовы работы, – констатирует он, – с очевидностью являются источником различных современных форм неомарксизма; труды Дюркгейма могут быть идентифицированы как определяющее основание “структурного функционализма”; и по крайней мере некоторые современные варианты феноменологии исходят прямо или косвенно из сочинений Вебера» [2, р. vii–viii]. Критическое осмысление их идей выглядит, таким образом, первым шагом на пути создания рефлексивной социальной теории.

Свою теоретическую карьеру Гидденс, подобно Ю. Хабермасу, начинал с определения собственного отношения к наследию К. Маркса, а через него и к социально-философским воззрениям представителей немецкой классической философии. Социальная философия Маркса во многом возникла как критическое преодоление и переосмысление тех трактовок общественной жизни, которые возникают на базе подходов И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, младогегельянцев и Л. Фейербаха. За их мыслью, безусловно, просматривается и более широкий пласт воззрений представителей социальной философии эпохи модерности, исканий теоретиков Античности и Средневековья. Кант подготовил основания деонтологического конструирования социальной реальности, опираясь на трансцендентальную рефлексивность, высвечивающую специфику раз-

личных способов теоретического и духовно-практического отношения субъекта познания и действия к миру. Гегель, чья мысль уходит своими корнями в традицию аристотелизма, выстраивает субстанциальную логику производства социального целого как заданную воплощением в нем рефлексивно постигающего себя на ниве истории абсолютного духовного начала. Акцентируя момент рефлексивности, младогегельянцы заговорили о значимости постоянной критической трансформации общества. Фейербах отчетливо поставил проблематику отчуждения в главу угла социального теоретизирования, придав ему неискоренимо антрополого-этический характер. Именно в поле этих вопросов и появляется учение Маркса, который, как верно полагает Гидденс, увидел значимость производства и воспроизводства общественной жизни в практическом взаимодействии индивидов, пошел по пути создания критической теории общества, но при этом акцентировал естественно-исторический характер его развития. Именно этот момент поиска исторической необходимости, законов общественной жизни, как полагает Гидденс, не соответствует духу современности и должен быть отброшен, ибо в конечном итоге противоречит критическому пафосу учения Маркса, его праксеологической доминанте. Ортодоксальное марксистское понимание практики как материальной деятельности, по Гидденсу, должно быть отброшено, ибо она по своей сути есть сплав деятельностного и рефлексивного начал.

Дюркгеймовская социальная мысль представляется Гидденсу лежащей в основании различных современных теоретических конструкций функционалистски-структуралистского типа, конструирующих общество как некое системно-структурно упорядоченное целое. Она в глобальной перспективе порождает такого рода модели видения социальной реальности в культурной антропологии, социологии и философии. Вебер создал собственный понимающий вариант неокантианской методологии наук о культуре. Вне поля его идей сегодня невозможно представить абрис рефлексивной социальной теории. Он учит видению деяний людей как наделенных имманентной рациональностью и предлагает собственную платформу рациональной интерпретации смысла таковых.

В социальной философии Гидденса проводится линия оппозиции любым структуралистским и функционалистским теориям как проявлениям объективизма и одновременно говорится о недостаточности герменевтического подхода как наиболее рельефно представляющего субъективистскую парадигму мышления на современном этапе. Одновременно британский автор не склонен недооценивать позитивный вклад этих двух трендов в конституирование той платформы социально-философского видения общественной жизни, которую он характеризует как рефлексивную теорию. Оба подхода, как представляется ему, несут в себе справедливые моменты рассмотрения и оценки социальной реальности.

Характерной чертой философии Гидденса является попытка комплексного рассмотрения структурализма и функционализма как тенденций теоретической мысли, проявляющихся на междисциплинарном уровне – в философии, социологии, культурной антропологии, лингвистике и других дисциплинах. Для проводимого им анализа свойственна широкая охвата исследуемых теорий, очерчивающих в целом базовое направление эволюции современного социально-гуманитарного знания. Британский автор стремится «осветить» те базовые характеристики, которые отличают платформу поиска объективистски ориентированных социально-гуманитарных теорий, притязающих на строгость обобщений и обоснования присущих им выводов.

Как структурализм, так и функционализм в социальной теории представляются Гидденсу уходящими своими корнями в позитивистскую мысль Э. Дюркгейма. «Функционализм и структурализм в определенной мере разделяют схожие истоки и обладают важными сторонами сходства. Происхождение обоих может быть рассмотрено как укорененное в наследии Дюркгейма, отраженном в первом случае в работах Рэдклифа-Брауна и Малиновского, а во втором в трудах Соссюра и Моссэ» [3, р. 9]. Рэдклиф-Браун и Малиновский, на взгляд Гидденса, справедливо реагировали против спекулятивной и эволюционистской парадигмы в антропологии, а Соссюр был в похожем духе оппонентом в чем-то схожих с этим трендом идей неограмматиков. Каждый из трех названных авторов делал акцент на значимости синхронии по отношению к диахронии. Каждый из них отправлялся от первичности системы – социальной или лингвистической – по отношению к элементам, которые ее составляют. Но существуют, по Гидденсу, и определенные различия их воззрений. Функционализм в различных его обликах от названных авторов до Т. Парсонса ориентирован на органицистские модели, заимствованные из биологии, в то время как структурализм избирает лингвистическую парадигму, применяя ее в различных отраслях социально-гуманитарного знания к широкому кругу реалий социальной и культурной жизни.

Несмотря на критический пафос анализа Гидденса, он в целом положительно оценивает значимость исканий теоретиков, относимых им к функционализму и структурализму, уделяя особое внимание теоретикам последнего. Структурализм в лингвистике уже в трудах Соссюра, на его взгляд, справедливо ориентирует социально-гуманитарную мысль на понимание укорененности общественных феноменов в языке, актуализируемом в речевых актах. Своим учением о соотношении означающего и означаемого Соссюр, по Гидденсу, прокладывает дорогу к пониманию знаковой опосредованности социальных связей. Речь выводит язык в коммуникативно-диахронное поле, и осознанием этого обстоятельства современное социально-гуманитарное знание также обязано швейцарскому лингвисту. «Факт того, что Соссюр сделал сериальный или линей-

ный характер означающих базовым для всего языка и соотнес это с последовательностью означаемых, которые встречаются в определенных точках артикуляции, подразумевает, что его воззрения не столь далеки, как это может показаться, от развиваемых впоследствии взглядов Лакана и Деррида» [там же, р. 13]. Структурализм Леви-Стросса, сообразно с критической оценкой Гидденса, подобно функционализму, редуцирует индивида к общественному целому. «Но в то время как функционалисты сконцентрировались на практической деятельности, Леви-Стросс фокусирует свое внимание на познании; и когда функционализм, в особенности в варианте Парсонса, развивал тему общества как результата морального консенсуса, Леви-Стросс опирался в первую очередь на дюркгеймовское “социологическое кантианство”» [там же, р. 22]. При этом Гидденс не склонен одновременно рассматривать тему влияния на Леви-Стросса теории символических форм Кассирера, также существенно воздействовавшей на формирование взглядов французского автора. Структурализм порождает постструктуралистский тренд развития современной западной гуманитарной мысли, который интересует Гидденса в первую очередь обращением к проблеме власти дискурса.

В целом Гидденс склонен подчеркивать взаимосвязь между структурализмом и постструктурализмом, отмечая общие черты их значимости для современной социальной теории. Он полагает, что в границах этих направлений, начиная с работ Леви-Стросса и заканчивая деконструктивистскими штудиями Деррида, ставится важная проблема «пространственности через различие», имеющая большое значение для современной социальной теории.

Структуралистская и постструктуралистская мысль рисуется Гидденсу также обладающей значимостью, вследствие попытки «инкорпорировать временное измерение в сам центр собственного анализа» [там же, р. 46]. Уже Соссюр, по его мнению, проделал важную работу в этом направлении, разводя синхронное и диахронное измерения языка. Деррида, как справедливо подмечает Гидденс, подобно Хайдеггеру, верно подметил, что история вторгается в сам процесс нашего говорения о мире. С построениями Леви-Стросса Гидденс связывает попытку понять важные механизмы социального воспроизводства на базе анализа традиционного общества. Структурализм в отличие от функционализма, начиная с Соссюра, рассматривает язык как виртуальную систему с рекурсивными свойствами, заставляя по-иному анализировать и общественные явления. В формате этого мыслительного тренда ставится вопрос не о дуализме, а о дуальности субъект-объектных взаимосвязей.

Его представители справедливо проблематизировали тему гуманизма, заставив задуматься о непрозрачности сознания, его неданности вне потока истории. Тем самым рефлексивность стала рассматриваться как способность творцов социальных систем и свойство социальных наук. Особо Гидденсом отмечается вклад структурализма в понимание

процесса производства культурных объектов. Культурно-деятельная сторона предстала как важнейшая составляющая социальных процессов. В данной связи, на взгляд британского автора, должны быть отброшены классические для сосюрковского структурализма бинарные оппозиции языка и речи, синхронии и диахронии, означающего и означаемого, его трактовки случайного характера знака. Одновременно необходимо «развить теорию кодов и производства кодов, обоснованную широкой теорией социальной практики и связанной вновь с герменевтикой» [там же, р. 48]. Структурализм и постструктурализм нуждаются, стало быть, в теоретическом синтезе их положений с идеями практической природы производства общественной жизни и герменевтики, позволяющей увидеть единство стабильности и изменчивости в порождении знаковой реальности.

Общественная реальность выглядит, сообразно с такой постановкой вопроса, опосредованной знаковыми системами, которые вплетены в процессы постоянного производства и воспроизводства определенных практик.

Культура как деятельное производство знаково оформленного мира совместного существования людей оказывается у Гидденса предпосылкой и оборотной стороной существования общества. Без нее невозможно понять процесс устройства общества. Предлагаемое им понимание взаимосвязи культуры и общества логическим образом предполагает обращение к теоретическому синтезу построений З. Фрейда, Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера. Фрейд, по Гидденсу, указал на роль бессознательного в деятельности человека. Последнее отнюдь не всегда имеет сексуальный характер, но бессознательный фон безусловно присутствует в деяниях индивида. С именем Витгенштейна у Гидденса ассоциируется осознание постоянной вплетенности человека в различные формы языковых игр как жизненных форм. Гидденс подчеркивает, что Витгенштейн видит язык в диахронной перспективе: «Витгенштейновская интерпретация языка не является, как пытаются показать многие комментаторы, вневременной; напротив, время является ее интегральной частью. Значения никогда не “даны” в их произнесении или выражении и существуют лишь в продолжительном процессе их актуализации внутри форм жизни: различие здесь, как и у Деррида, всегда задано» [там же, р. 34]. Это обстоятельство делает, по-видимому, возможным и синтез витгенштейновских воззрений с герменевтикой в рамках концепции Гидденса, хотя в рамках его произведений читатель не найдет развернутого обоснования подобного мыслительного хода. Разгадка этого обстоятельства таится в том, что Гидденс видит в привлекающих его философских концепциях всего лишь отправную точку для собственных построений, не обращая в должной мере к рассмотрению их имманентного содержания. Рассуждая о Хайдеггере, он подчеркивает прежде всего то обстоятельство, что его философия справедливо высве-

чивает момент включенности интерпретации мира и действия в поток времени, неотрывного от существования человека. Гидденс констатирует, что его собственная позиция «находится под сильным влиянием хайдеггеровского рассмотрения бытия и времени: не столько как онтологии, а скорее в качестве философского источника для развития концептуализации временно-пространственной конституции социальных систем» [там же, р. 3]. Именно в этом ключе, в определенной мере дистанцируясь от специфики имманентно-философской постановки вопросов анализируемыми авторами, Гидденс представляет и возможность синтеза подходов, разработанных в границах феноменологии, наследия герменевтической традиции Хайдеггера и философии языка Витгенштейна.

Суммируя свое видение синтеза философии и социальной теории, британский автор замечает: «Признавая значимость “лингвистического поворота”, представленного главным образом традициями герменевтической феноменологии и философии обыденного языка, мы тем не менее считаем, что это понятие отчасти вводит нас в заблуждение» [4, с. 17]. Развивая далее свою мысль, Гидденс поясняет, что наиболее значимые изменения социальной теории связаны скорее с пониманием взаимосвязи языка и практики. Констатируя ценность вклада Хайдеггера и Витгенштейна в осознание этого момента, он все же замечает: «Но дальнейшее продвижение по этому пути требует отказа от искушения стать полноправным последователем этих мыслителей» [там же]. Скорее, как полагает Гидденс, важно понять, что язык и ситуированные во времени и пространстве конкретные констелляции практик составляют основу социальной реальности.

Рефлексивная социальная теория, сообразно с платформой Гидденса, должна, по сути дела, выстраиваться в культуроцентристском ключе: картина социального целого получаемая всегда сквозь призму интерпретации в определенной ситуации и предполагает, в свою очередь, рефлексивный компонент в деятельности субъектов, производимых и воспроизводимых ими социальных структур и институтов. При этом действует своеобразная модель двойной герменевтики. Сами социальные акторы интерпретируют, наделяют смыслом жизнь общества, и одновременно их деятельность также становится предметом интерпретации, в том числе и специалистов, чьи конструкции, картина воспроизводимой ими реальности оказывают влияние на запечатлеваемый ими мир. Такого рода программа построения социальной теории адекватна современному процессу модернизации, ибо отвечает задаче непрерывной рефлексивной трансформации глобального общественного целого и его сегментов.

Список литературы

1. Giddens A. *Capitalism and Modern Social Theory: An Analysis of the writings of Marx, Durkheim and Max Weber*. Cambridge, 1971.

2. Giddens A. Central Problems in Social Theory. London, 1979.
3. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Stanford, 1994.
4. Гидденс Э. Устройство общества. М., 2003.

A. GIDDENS: SOURCES OF FORMATION OF THE REFLEXIVE MODERNIZATION THEORY

O.A. Teslenko

Tver State University (Tver)

The sources of formation of the reflexive modernization theory developed by A. Giddens are analyzed within the paper's format. The British author has created an original version of synthesis of theoretical ideas of K. Marx, E. Durkheim, Max Weber, T. Parsons, structuralism and post-structuralism, language philosophy, phenomenology, and hermeneutics. Reflexive social theory analyzing the modernization process, Giddens believes, should be made in the culture centered perspective: the picture of the social whole is always obtainable through the horizon of interpretation in a specific situation and demands, in its turn, a reflexive unit in the activity of subjects, structures and institutions produced and re-produced by them.

Key words: *reflexive modernization, reflexive social theory, culture centered paradigm, structuralism hermeneutics.*

Об авторе:

ТЕСЛЕНКО Олеся Анатольевна – аспирантка кафедры философии и теории культуры, ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», e-mail: teslenko-olesya@mail.ru